

АНДРЕЙ АГАФОНОВ

Черная моль

КИНОРОМАН

Андрей Агафонов

Черная моль. Кинороман

«Издательские решения»

Агафонов А. Ю.

Черная моль. Кинороман / А. Ю. Агафонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933839-6

Третья часть вампирской трилогии. В романе рассказывается о ближайшем будущем планеты. Поскольку произведение представляет собой альтернативную версию реальности, все совпадения с настоящими политиками, террористами, институтами и географическими названиями не имеют смысла.

ISBN 978-5-44-933839-6

© Агафонов А. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вечный голод. Интерлюдия	6
Пролог. Двое в пустыне	9
Глава 1. О положении вещей	10
Глава 2. Never say sorry	12
Глава 3. Дело Божье	15
Глава 4. И нет рассказчиков для жен	19
Глава 5. Свежее мясо	22
Глава 6. Мальтийский крест	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Черная моль Кинороман

Андрей Юрьевич Агафонов

Фотограф Юлия Баканова

© Андрей Юрьевич Агафонов, 2018

© Юлия Баканова, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-3839-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечный голод. Интерлюдия

Рим! Рим! Кажется, там я покупал хорошие сигары.
Р. Киплинг

В одном из домов на Виа Дей Кондотти, в одном из тех домов, которые были слишком известны на протяжении столетий, а теперь не привлекают даже мимолетного внимания пресыщенных древностями туристов, у пустого и темного камина сидел, сутулясь в плотнеющих сумерках, мужчина с конвертом в руке. Изредка он коротко взглядывал в сторону окна, откуда периодически доносились автомобильные клаксоны или женский смех. Сидящий у камина заметно нервничал, его тонкие белые пальцы похрустывали, кончики ушей тревожно шевелились.

Наконец двери распахнулись, и темную комнату залило светом из дверного проема. Послышалась музыка – где-то в бесконечной анфиладе комнат играл камерный оркестр.

На пороге стояла женщина в длинном черном платье, с посеребренным лифом, серебряным пояском и открытой спиной. На груди ее поблескивала серебряная брошь в виде вопящей от ужаса летучей мыши.

– Синьора! – вскочил посетитель и хотел было подойти ближе, но был остановлен повелительным жестом руки.

– Письмо, – невыразительно сказала женщина.

Не смея нарушить запрет, мужчина как можно дальше вытянул руку с письмом и даже встал на цыпочки.

Взяв двумя пальцами конверт, женщина вскрыла его длинными острыми ногтями, покрашенными в алый цвет, и вытащила маленький плотный кусочек картона, на котором было написано лишь несколько слов – как видно, не латиницей.

– Ждите здесь, – сказала женщина слегка потеплевшим голосом, – вам все принесут. И спасибо.

Дверь захлопнулась. Стало темно.

За окном пронзительно вскрикнул ребенок. Посланец вздрогнул и обернулся.

В камине заплясали языки огня. И языки света от камина поползли к его ногам.

Перед тем, как вернуться в залу, она засунула письмо за корсаж.

– Где ты была, милая? – обернулся к ней муж, скользнув взглядом по ее груди. – Мы как раз обсуждаем с Питером, что происходит в России.

– В бывшей России, граф, – слегка соболезнующе ухмыльнулся посол Ее Величества, – в бывшей России.

– Сожалею, но мне неинтересно, – холодно улыбнулась графиня. – Однако вы, мальчики, можете умничать хоть до рассвета, я не обижусь. Спокойной ночи, Марко.

Она провела ногтями по лицу мужа, едва взглянула на Питера и направилась в свою спальню. Мужчины смотрели ей вслед, не в силах оторвать взгляд от обнаженной спины и царственных бедер, прикрытых тонкой черной тканью.

– Вот сучка, – выругался вполголоса посол. Граф оглушительно захохотал и хлопнул рыжего посла по плечу так, что тот покачнулся:

– Не вздумай приставать к моей жене, Питер! Не то чтобы я ревновал, просто не хотелось бы лишаться такого замечательного собеседника.

Перед ее глазами проплывали сцены из прошлого. Вот он, умирающий, захлебывающийся отчаянием, с черным и страшным лицом, лежит в ванне; вот он бесконечно долго расстегивает молнию на ее платье, и, не расстегнув до конца, разрывает его; вот он застает ее в постели с тем блондином, смотрит на нее насмешливо и презрительно; вот она стучит в дверь его квартиры, открывает, не дождавшись ответа, и он бросается навстречу в ужасе, на нем окровавленная одежда, подбородок и грудь залиты кровью. Он бросается к ней в ноги и рыдает. Вот их последняя встреча в каком-то жалком кафе, он сидит с потухшими глазами и почти не смотрит на нее. И снова, и снова, и снова – разорванное платье, он входит в нее, он целует ее, она целует его руку, она кусает его запястье, она...

– Милая, – в дверь спальни заглянул граф, в полурасстегнутой рубашке, с шерстью на груди. – Я могу войти?

Она вздохнула, опустила руку с письмом под кровать, затем повернулась навстречу мужу и улыбнулась:

– Ну конечно, дорогой. Что за новости, почему ты спрашиваешь.

Он зашел, склонился над кроватью и задул свечу на прикроватной тумбочке.

Отвратительный мерзкий электрический звук. Открывается камера, с грохотом отъезжает решетка.

Из камеры выходит обросший и обрюзгший экс-советник губернатора Олег Логан.

Рука мужа на ее груди. Тяжкое, раскатистое сопение за спиной. Ее глаза открыты. Когда он кончает, она закрывает глаза и видит его. Того. Другого.

– Переведи ему. Не надо меня пугать. Донт, блядь, эфрэйд! Андерстенд? Скажи ему, что я мог уйти в любой момент. Ты понял? – Логан нетерпеливо смотрит на русского полицейского, который в комнате явно не главный. За столом сидит высокий жирный парень с огромным зобом, на нем цветастая рубашка и белые штаны. – Скажи ему, что офицеры так не одеваются. Он выглядит как попугай. Ю лук лайк э паррот!

– Fuck you! – вскипает американец, – go, asshole! Go away from me!

Полицейские швыряют Логану его вещи, и он, жмурясь, выходит на солнце. Лицо поросло пегой щетиной, возле уха запеклась кровь, но в целом он выглядит почти довольным.

Все надписи в аэропорту теперь на английском языке. Пассажиров немного, зато много солдат в форме войск НАТО. Логан подходит к дверям с надписью Gates и молча показывает полицейскому паспорт. Тот смотрит в экран компьютера и отрицательно качает головой. Логан забирает паспорт из его пальцев, разворачивается и начинает кружить по залу. Его взгляд падает на заметно нервничающего, хрустящего тонкими белыми пальцами пассажира. Когда пассажир заходит в туалет, Логан следует за ним. В туалете он хлопает мужчину по плечу:

– Виталий, не ожидал вас здесь увидеть. Куда летите?

Виталий бледнеет:

– В Га... в Га...

– В Гаагу?

– В Гамбург...

– Тоже неплохо, – одобрительно говорит Логан и чуть склоняет голову, рассматривая шею Виталия.

– Что вам нужно?

– Мне нужен твой паспорт, – говорит Логан, хватая Виталия за горло, – и твое лицо.

Через секунду после того, как самолет взмывает в небо, в мужской туалет, раскачиваясь как утка, заходит с ведром и тряпкой усатая уборщица. Она видит кровавый след на полу, ведущий к кабинке. Открывает кабинку и видит труп с окровавленной головой.

Закрывает кабинку, берет швабру и замывает потеки крови.

Глубокая и жаркая римская ночь. Дом на Виа Дей Кондотти. На фоне языков пламени из камина в одном из окон, выходящих на улицу, замерла одинокая мужская фигура.

23 июля 2017

Пролог. Двое в пустыне

Двое мужчин лет тридцати, с рюкзаками за спиной, неторопливо продвигаются вниз по болотистой местности, полной камней. Они идут уже долго, светлая одежда потемнела от пота, из-под панамы идущего первым блондина выбивается мокрая прядь. Его смуглый спутник машинальным жестом убивает москита у себя на щеке и равнодушно смотрит на полную крови ладонь.

Закатное солнце веером скользит над их головами, лучи летят в растянутое полукруглое отверстие в земле и гибнут там.

– Стой, – говорит смуглый. – Пришли.

Снимает с плеча рюкзак, бросает его на землю и садится на камень.

Блондин оглядывается, на его лице написано некоторое недоверие:

– Это оно?

– Садись, – настойчиво говорит смуглый.

Во всем мире слышно только дыхание этих двоих.

Золотой каплей гаснет в темноте последний луч, и все становится черным. И тишина начинает разрушаться. В крошечной темноте что-то с нарастающей скоростью шуршит, попискивает и капает. Постепенно темнота сереет, становятся различимы линии, пространства, силуэты. Все это дрожит и колеблется, и по звукам угадывается, насколько огромно пространство вокруг, как далеко простираются эти дрожания и колебания. Это пещера, ее своды покрыты пометом, внизу помет перемешивается с лужами непереваренной отрыгнутой крови. В пещере стоит невыносимый смрад. Но ее обитатели об этом не знают.

– Чего мы ждем? – спрашивает блондин.

– Сейчас они вылетят, – говорит смуглый, навинчивая камеру на штатив. – Кстати, ты в курсе, что они кричат? И довольно громко.

– Но я их не слышу.

– Твое счастье. Ты бы оглох или с ума сошел. Они тебя тоже не слышат, кстати.

– И не видят?

– И не видят. Это у нас зеленые леса, синие моря и прочая дребедень. А у них лево-право, ближе-дальше. Серая решетка координат и пятно посредине – пища.

– Завидуешь?

– Ты сам подумай. Про мораль говорим, про красоту. Но все это только в наших головах.

– Мы уже об этом столько спорили, – вздыхает блондин, – если ты считаешь, что весь мир у тебя в голове, иди и прыгни со скалы. И я тебе гарантирую, что скала останется!

– Останется. Но в твоей голове. А прыгать я не буду, я не...

Из полукруглого отверстия вырывается черный смерч. Он практически бесшумен, слышно лишь шелест кожистых крыльев. В считанные секунды сумерки сменяются глубокой ночью. Все небо закрывают собой сотни тысяч парящих тел.

– Смотри, смотри! – смуглый лихорадочно щелкает затвором фотоаппарата. – Ты смотришь?

Он оглядывается, но его спутника нигде нет.

Глава 1. О положении вещей

Грубо-фактурный, как будто сделанный из очень толстых ниток или вообще веревок и раскрашенный малярной кистью, флаг США.

Кирпичное лицо Тромпа.

Слева и справа – за ним – лица вице-президента и спикера палаты. Они смотрят Трампу в затылок.

Заседание Конгресса, 20 января, Вашингтон.

– Уважаемые дамы и господа! – Тромп уже подустал и часто делает паузы. – Перед тем, как перейти к международной политике, еще раз повторю: американский бизнес вернулся в Америку! Только за последний год в Соединенных Штатах открыли новые заводы компании Apple, General Motors, IBM, Ford, Cisco Systems, General Electric... 120 тысяч новых рабочих мест – это счастливые американские семьи и счастливые американские дети! И это хорошая, крепкая оплеуха азиатам!

Зал устало взрывается аплодисментами. В очередной раз конгрессмены и сенаторы поднимаются на ноги.

Встают не все. Сидящие справа от президента по большей части смотрят изумленно-брезгливо. Тромп косится на них и продолжает:

– Нам предрекали кризис, закат, разрушение, крах. Нам говорили, что мы ослабели, что мы погрязли в коррупции и политкорректности, что мы полностью во власти международных финансовых структур, которые сами же и породили. Но мы разорвали эти путы. Мы сказали окончательное «прощай» Старому свету. Мы приобрели нового надежного и сильного союзника на европейском континенте, с которым нас роднит нечто большее, чем банковские трансферы – нас роднит преданность вере, идее, нас роднит приверженность идеалам, которые выше земного богатства, хотя и не отрицают его. Сегодня в зале присутствует почетный консул Исламского Государства¹ в США господин Абу Ахмет Аль... что-то там! Вот он на трибуне, рядом с моей женой!

Тромп делает приветственный жест в сторону мрачного лысого араба с седой бородкой клинышком. Араб опускает тяжелые веки, пряча насмешку в глазах. Меланья незаметно отодвигается.

Овация. Аплодируют даже судьи Верховного суда и начальники штабов.

В коридорах Капитолия слышны шаги множества людей. В одной из комнат, примыкающих к Залу заседаний, солдаты Армии США торопливо переодеваются в странную черную одежду.

– Как вы помните, я обещал гражданам Америки и вам, что мы установим прочные и предсказуемые отношения с Россией.

Шум в зале, выкрики.

– И я сдержал свое обещание! Теперь у нас очень предсказуемые отношения, поскольку России больше не существует!

Хохот, овация, встают даже некоторые из демократов.

– Мы не знаем, в какой норе скрывается Владимир, но я вам обещаю, где бы он ни прятался, если он еще жив, ему осталось недолго!

¹ деятельность организации запрещена РФ

Трамп поворачивает голову налево, к Полу Райану, его медальный профиль сияет на фоне флага.

Гаснет свет. И в наступившей темноте раздаются два хлопка.

Замок Виндзор. Зал аудиенций королевы. В кресле напротив Елизаветы в пастельно-голубом платье – человек в белом бурнусе.

– Сейида... – начинает человек, наклоняясь вперед.

– Мы одни, – говорит королева. – Приступим к делу. – Как скажете, Ваше Величество, – легко парирует Логан. – Итак, наши друзья в Сирии...

Вспыхивает свет. Тромп двигает челюстью. Слева и справа от его головы – две кровавых кляксы на флаге США. Майк Пенс и Пол Райан, мертвые, покоятся в креслах. Трамп не смотрит назад, он смотрит направо – туда, где сидят конгрессмены и сенаторы от Демократической партии. За спинами демократов выстроились люди в черных одеяниях и черных масках, скрывающих лица. Трамп медлит. Он хочет насладиться моментом.

Абу Ахмет аль Сафер с трибуны напротив одобрительно кивает.

Трамп поднимает правую руку. Люди в черном синхронно проводят правой рукой у горла жертвы. Захлебываясь кровью, демократы кулями валятся вперед.

Крики ужаса в левой от президента части зала. Кому-то становится дурно. Тромп указательным пальцем манит к себе телекамеру на кране. Когда камера подъезжает совсем близко, Тромп меняет палец на средний, оттопыривает его до предела и орет:

– Сдохни, старая сука! Сдохни наконец!

Елизавета выключает телевизор и поворачивается к Логану:

– Знаете, что мне всегда нравилось в турках? – говорит она. – Они никогда не извиняются.

Глава 2. Never say sorry

Идлиб, Сирия. 25 января.

По улицам разрушенного города бодро катится джип «Тойота» с пулеметом, установленным на кабине. Внутри двое – на пассажирском сиденье Логан в шортах, футболке и шлепанцах, с легкомысленной панамкой на голове, и замотанный в тряпки боевик за рулём.

За пулеметом весело скалится ещё один.

Хрустя обломками кирпича и штукатурки, джип резко тормозит возле полуразрушенного здания. Пулеметчик кричит что-то на арабском. В окне мелькает блик оптического прицела.

С грохотом разъезжаются заржавевшие ворота.

Джип въезжает во двор, полный моджахедов.

Водитель, едва остановив машину, выпрыгивает наружу и подаёт руку пулеметчику, помогая спрыгнуть на землю.

Логан неторопливо выбирается из машины и щурится от солнца.

Толпа с автоматами обступает его полукругом.

Один из моджахедов подходит вплотную и затейливо матерится по арабски. Логан лениво улыбается в ответ. Моджахед протягивает руку к его лицу, намереваясь похлопать по щеке. Логан негромко произносит какую-то фразу. Моджахед отдергивает руку. Его зрачки белеют.

– Мистер Логан! – невысокий толстый человечек стоит у двери в дом.

Логан, ухмыляясь, проходит мимо боевиков.

Ступеньки за дверью ведут вниз, в темноту, за поворотом светлеет, наконец, Логан со своим спутником попадают во внутренний дворик, очень зелёный, тихий и чистый, с небольшим бассейном посередине.

Из шезлонгов поднимаются двое в черных костюмах, при галстуках, по виду турки.

– Господин Логан, – говорит насмешливо тот, который постарше, – вы никогда не опаздываете.

– У нас мало времени, – говорит Логан. – Я знаю, где через три часа будет Джемаль. Если вам все ещё интересно.

– Что взамен? – спрашивает второй.

Логан улыбается.

Звук открываемой двери. Вспыхивают лампы. Человек в белом кресле открывает глаза. Его руки привязаны к подлокотникам. Лицо человека известно всему миру.

В кресло напротив тяжело садится Абу Ахмет Аль Сафер. В широко расставленных глазах пляшет огонек. Большие мясистые уши прижаты к лысому круглому черепу.

– С этой бородой вы похожи на молодого Карла Маркса, – говорит он, чуть улыбаясь.

Пленник обводит глазами помещение – белые стены, белая мебель, нет окон.

– Что... – от долгого молчания выходит хрипло и жалко, – кто вы? Где я?

– Это неважно, – говорит Абу Ахмед, – какая вам разница, вы столько лет прячетесь. Теперь вот я спрятал вас здесь.

Он говорит низким голосом, медленно, размеренно, как будто вдавливая слова в голову собеседника.

– Очень много произошло за этими стенами в последние дни. Я не знаю и даже сомневаюсь, что вы хотели именно таких перемен. Но суть в следующем. Третья мировая война, которой вы так жаждали, уже идёт. Но победит в ней не тот, на кого вы делали ставку.

– Разве в третьей мировой кто-то может победить?

– Может! Может, – Абу Ахмет приподнимает правую руку, – но видите ли, в чем проблема. Война не для авантюристов и пройдох, война всегда для воинов. Различные силы, которые задевают вас, которые задевают меня, уверены, что они контролируют ситуацию. Это не так. Ситуация контролирует их. А мы лишь помогаем проявиться тому, что в противном случае никогда бы не вышло на свет. Но, – прерывает он сам себя, – довольно философствовать, на сегодня меня интересует только одно: место последнего убежища ваших хозяев. Я, к сожалению, не умею читать мысли, но умею причинять людям боль. Такую сильную боль, которой они никогда не переживали и вряд ли переживут. Вы мне верите, мистер Ассунж?

– У вас мои серверы...

– Меня не волнует цифра. Меня волнует то, что у вас здесь... и здесь, – Абу Ахмет прикладывает руку к голове и к сердцу.

Человек в белом кресле закрывает глаза.

Ночь. Окраина Дамаска. Смуглый смазливый парнишка вглядывается в темноту улицы. В его руках АК. По крыше дома напротив прохаживается моджахед с автоматом.

– Шш. Рашид! – парнишка вскидывает автомат, но, приглядевшись, улыбается и опускает оружие. Машет напарнику на крыше – все хорошо. Из темноты к нему выходит, улыбаясь, один из тех, кто был у бассейна, только теперь на нем не костюм, а желтая футболка и полотняные штаны.

Они целуются. Турок пытается залезть Рашиду в штаны, тот отодвигается в тень с зовущей улыбкой. Турок следует за ним.

Слышен короткий всхлип.

Парнишка тихо падает на землю. В открытых глазах застыло недоумение.

Турок вытирает нож об убитого. В лунном свете сверкают его зубы.

Тихий свист – и часовой на крыше валится с ножом в спине.

Снова тихий свист – и из проулков бесшумно появляется дюжина боевиков, похожих в темноте на крыс. Они окружают дом.

С грохотом высаживается дверь. В помещение вбегают боевики. Следом заходит Логан. За ним, в отдалении, старший турок.

В белом, похожем на лабораторию, подвале, ярко горят все лампы. В кресле корчится человек, похожий на молодого Карла Маркса.

Логан подходит к нему. Человек открывает рот. Логан видит вырванный кадык. Из разорванной трахеи выдувается и лопается кровавый пузырь.

Логан встает на колено, одним движением разрывает скотч на правой руке Ассунжа и командует, не оборачиваясь:

– Ручку. Бумагу.

Турок, усмехаясь, протягивает ему ручку и блокнот. Логан пытается вложить ручку в пальцы Ассунжа, но тот уже агонизирует.

– Он все это время был здесь, – говорит Логан, – я правильно понял?

Турок прячет ухмылку.

Логан поднимается на ноги и выходит наружу.

27 января.

Телевизионная заставка Fox News Channel. На экране Лора Ингрэм, шестидесятилетняя холерная блондинка в леопардовом комбинезоне.

– Сегодня президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган нанес сокрушительный удар своим противникам – экстремистам, представляющим Народную партию Курдистана. Лидер экстремистов Мурат Карайылан, также известный как Джемаль, был повешен сегодня утром по приказу военного трибунала.

Хроника: трясущийся, окровавленный, полуголый Джемаль с петлей на шее; встык – кадры с произносящим гневную речь отвратительным Эрдоганом. Толстые губы трясутся, усы топорщатся щеточкой.

Снова полные муки глаза Джемалья. Он открывает рот и смеется. Зубов во рту почти нет.

– Мурат Карайылан стал фактическим лидером Рабочей партии Курдистана после ареста Абдуллы Оджалана в 1999 году, – продолжает Лора. – Наши источники в Турции считают, что его казнь в каком-то смысле подвесила всех курдов...

Ведущая позволяет себе намек на улыбку.

Камера отъезжает от телеэкрана. Чья-то рука в перчатке берет пульт и переключает программу на сериал «Корона».

Глава 3. Дело Божье

Небольшой, очень дорогой римский ресторанчик. Графиня с мужем и несколькими друзьями, в том числе рыжим англичанином, обсуждают недавнюю трагедию.

– Милый, а мы ведь когда-то встречались с Джулианом, помнишь? Его как раз куда-то перевозили, или, как у полицейских говорят, перемещали...

– Мимолётная встреча, – скупо улыбается граф, – я с ним двух слов не успел сказать. Питер, мне кажется, лучше его знал.

– Я? – рыжий заливается краской. – Какое там! Я птица не того полета. А он вам приглянулся, Helene?

Графиня пожимает оголенными плечами. Питер жмурится.

– Как... Это... прекрасно! – она запивает красным вином кусочек мяса с виноградными листьями. – Дорогой, ты должен попробовать. Необыкновенно. Именно к Примитиво де Мандурия. Я его недооценивала.

– Необычно, странно... Но хорошо, да. Питер, что скажете?

– Это лучше картошки с рыбой, – хмыкает Питер, – и на том хвала Господу.

– Ну, знаете!.. – графиня смеётся, ее лицо розовеет, она останавливает прикосновением руки проходящую мимо официантку. – Андреа, позовите, пожалуйста, вашего шефа.

– Си, синьора!

Граф достает сигару.

Сидящая у окна безвкусно одетая мужеподобная американка смотрит на него с ужасом.

– Синьора? – у края стола в полупоклоне замер шеф-повар. Одна рука прижата к груди, пальцы второй шевелятся, как будто он мысленно играет на фортепиано. Графиня смотрит на его тонкие, сухие пальцы. Смотрит намеренно долго, затем поднимает взгляд:

– Как вас зовут, наш дорогой волшебник?

– Паоло, ваше сиятельство!

– Паоло, мы все хотим выразить вам восхищение! Идеальное гастрономическое сочетание. Нет, не идеальное. Гениальное. Вы гений!

– Ваше сиятельство...

– О! – она машет рукой, – Хелен.

– Хелен, – он бросает взгляд на графа, но тот увлечен раскуриванием сигары. – Это я должен выразить свое восхищение!

– Присядьте, – графиня с улыбкой указывает на стул рядом. – Я же вас не отрываю сейчас?

– Нет, Хелен, – он садится, пальцы правой руки продолжают играть беззвучный ноктюрн. Рыжий Питер смотрит на Паоло с ненавистью.

Графу наконец-то удается раскурить сигару, он выпускает огромное облако дыма и облегчённо вздыхает.

Американка у окна начинает бешено жестикулировать, подзывая официанта.

– У вас руки музыканта, а не шефа, – мягко говорит графиня, касаясь пальцем тыльной стороны ладони Паоло. – Такие руки сами по себе требуют восхищения... И поклонения.

– О, Хелен, – только и может ответить Паоло.

– Вы приходите к нам. Расскажите о своих секретах. Я расскажу вам о своих.

Она смотрит ему прямо в глаза. Он понимает – вызов брошен. Но не может отступить.

– Елена! – встречает Питер, – я, к сожалению, спешу, так что благодарю вас с графом...

– Хорошо, Питер, до свиданья, – улыбается графиня, не отводя глаз от Паоло.

К столику американки подходит метрдотель и склоняется над ней. Американка возмущенно тычет в сторону графа и тараторит по-английски, все больше повышая голос.

Граф зевает.

– Я не понимаю, – холодно улыбается метрдотель, – синьора, нон каписко, синьора!

Она набирает в рот воздух, но тут метрдотель кивает за спину и с кошачьей грацией даёт американке пощечину. По бокам ошеломленной гостьи вырастают двое внушительных бугаев с матовыми коричневыми лицами. Они хватают ее под локти и практически выносят из ресторана. Возвращаясь обратно, один насмешливо бросает:

– Уна лесбика де мерда, таччи суа... э ди тутти и янки...

– Дорогая, ты закончила? – граф благодушно поворачивается к жене. – Нам пора.

– О, мой Паоло! – графиня откладывает томик и встаёт навстречу гостю, – вина?

Сегодня он одет иначе, черная шелковая рубашка на груди расстёгнута, длинные волосы заброшены назад в красивом, явно художественном беспорядке. Белые тонкие брюки отлично сидят. Графиня склоняет голову чуть набок. В ее розовом ушке колеблется сережка, похожая на готовую оторваться каплю расплавленного серебра.

Паоло принимает вино, Хелена смотрит, как его пальцы обхватывают бокал. Крепко и уверенно. Он делает глоток и закатывает глаза:

– Хелен, – с мягкой укоризной, – почему не Примитиво?

– Люблю испанцев, – улыбается графиня, садясь. – Инквизиция всегда меня интриговала.

Понимали толк в вине и крови.

– Конечно, – легко соглашается Паоло и шутливо складывает ладони: – К вящей славе Божьей.

– Вы религиозны?

– О да. Но не как Лойола.

– Расскажите.

– Вам будет скучно!

– Паоло, милый, – графиня как будто слегка рассержена, – я ведь не официантка. Но как хотите...

– Хелен, – он садится на оттоманку рядом с ней. – Вы когда-нибудь слышали об Opus Dei?

Она фыркает.

– Ну да... учитывая, где вы живете, думаю, слышали. – Учитывая, где я живу? И только? – графиня демонстративно оглядывает бесконечно высокие книжные стеллажи, окружающие их с Паоло.

Стук спасательной шлюпки о причал. Стоны беженцев. Некоторые стонут чересчур экспрессивно. Глаза встречающих, женщин без возраста в бесформенной одежде, переполнены слезами.

– Бенвенуто! Вэлкам! —протягивает руку очередному беженцу эмиссарша Евросоюза.

Тот злобно отпихивает ее руку, с легкостью, непредставимой для его грузной фигуры, запрыгивает на причал и на глазах у равнодушных полицейских сворачивает в лабиринт контейнеров, ждущих погрузки.

– Хорошо, а что в этом... во всем этом... такого уж замечательного? Объясните мне, Паоло, если бы вы не верили, вы были бы хуже, чем сейчас? Вы бы готовили хуже, чем сей-

час? Вам не кажется, что вы просто навесили на себя что-то лишнее... кстати, вы же вериги не носите?

– Нет, Хелен, – они спорят уже давно, Паоло разгорячился, – и самобичеванием не занимаюсь, раз уж вы об этом.

– А целибат? – она прищуривается.

– Это очень... упрощенное представление! Вы же умная женщина!

– Спасибо, – она насмешливо кивает.

Он вскакивает, собираясь уйти.

– Еще вина? – небрежно интересуется графиня.

Он вздыхает. Смотрит с укоризной. Она отвечает совершенно невинным взглядом.

Давешний беженец идет по виа Маргутта. Прежние обмотки сменила униформа туриста – черные очки, светлые полотняные штаны, футболка, парусиновый жилет со множеством карманов, бейсболка. На шее болтается дорогая Лейка.

Он поднимается по ярко освещенным ступеням к дверям отеля.

– Синьор? – улыбается красными губами девушка в черном платье.

– Синьор Джакомо ди Колонна, – брюзгливо роняет беженец, – у меня забронирован люкс с окном во двор.

– Вы без багажа? – она протягивает ему конверт с пластиковым ключом от номера, но рука замирает в воздухе.

– Он придет позже, – гость замечает маневр с ключом и снимает очки. В широко расставленных зеленых глазах пляшут огни вечернего Рима, – что-то не так?

– Бенвенуто, синьор ди Колонна! – Она отдает ему конверт.

– А я не понимаю, когда люди говорят: «мы – католики!», потому что они молятся, а потом выходят на улицу и тут же забывают об этом. Вы можете молиться, поститься, носить власяницу, но в вас нет веры, если вне всего этого вы не христианин. Если вот здесь вы – верите, а здесь – просто живете. Если вы любите вино, вы любите его всегда. Если вы любите Христа, вы любите его всегда.

Паоло оживленно жестикулирует. Елена любит его жестами. Любуется им.

– И моя работа, раз уж вы спросили (она закатывает глаза), это и есть молитва, это мое дело, которое я делаю на глазах у Бога, и мне стыдно было бы делать его хуже, чем я могу.

– То есть вы гений, потому что стараетесь больше других?

– Хелен! Представляете, как прекрасна была бы жизнь, если бы каждый старался так, словно Бог наблюдает за ним!

– Вы меня соблазняете!

– Что?

– Ваша вера. Вы хотите соблазнить меня!

– Хелен! – он осекается и вновь садится на оттоманку рядом с ней. – Я не хочу... соблазнить вас. Я хочу вас...

– Да? – оба вдруг начинают говорить почти шепотом.

– Я хочу, чтобы вы были счастливы. Чтобы вам было лучше.

– Почему, Паоло? Мы едва знакомы.

– Потому что вы прекрасны. Обворожительны. Душой и телом, – он дрожит.

Придвигается ближе к ней. Она смотрит на него с изумлением:

– Паоло?

– Да! – его глаза умоляют.

– Люби меня, – вдруг говорит она. – Люби, как перед лицом Иисуса.

Ее рука проскальзывает в ворот его рубашки.

Сердце Паоло почти вырывается из груди.

Он замирает.

Через секунду взрывается, вскакивает, рывком поднимает ее, впивается поцелуем в шею. Графиня ахает. Ее рука касается его члена, явственно проступающего сквозь тонкую белую ткань. Пальцы гладят его член, сжимают его.

Паоло рычит. Разворачивает графиню спиной к себе. Она со стоном опирается руками о книжные полки. Несколько книг раскрываются и падают вниз с глухим стуком.

Он входит в нее сзади. Его тонкие длинные пальцы пробегают по ее телу, по груди, по обнаженным бёдрам, по складкам задранного до пояса платья.

– Люби меня, – тяжело дыша, говорит графиня, – люби меня, Па... Оооо!

Он хватает ее за волосы и кричит вместе с ней.

Серое римское утро. Невдалеке промзона, безликие пятиэтажки, идёт холодный февральский дождь.

Фигуристая сеньора в леопардовом комбинезоне с глубоким, несмотря на погоду, декольте выгуливает пса.

Возле разбитого древнего фиата на спущенных колесах собака начинает рваться с поводка и скрести когтями землю.

– Что там, Иисусе, мальчик, что ты опять нашел!

Пёс бьёт тяжёлой лапой по незапертой крышке багажника, она поднимается.

На дне багажника лежит скрюченный труп Паоло с оторванными кистями и полуоторванной головой.

Синьору шокирует выражение полной умиротворённости на лице убитого.

На ее веках дрожат густые синие тени.

Глава 4. И нет рассказчиков для жен

Знакомые высокие стеллажи. Граф Марко де Орсини стоит с бокалом вина, опираясь другой рукой на спинку кресла. Напротив – обходительный человек без возраста в темном костюме, с белой полоской у горла. Человек держит в руках томик стихов и читает вслух с сильным акцентом:

– И нет рассказ-зчико-ов дьяля жоон

В порочних дьлинних платия

Щьто правадили дни как сон

Ввв пьленишьельных заньятья

Трудный язык! – захлопывает книжку.

– Но красивый, – говорит граф.

Гость вежливо пожимает плечами.

– И все же? – граф поднимает одну бровь.

– У меня лишь несколько вопросов, ваше сиятельство. Вы позволите? – иезуит садится в кресло, вынуждая графа сесть напротив: – Вы знали Паоло Виллардо, супернумерария?

– Кого?

– Он работал шеф-поваром в ресторане...

– А! – граф поднимает руку. – Этот парень. Он уволился? Жаль.

– Он не уволился, насколько я понимаю, его убили. Насколько я понимаю, граф, -настойчиво повторяет иезуит, – он был в вашем доме.

– Меа кулга! Меа максима кулга!

– Граф, – укоризненно говорит иезуит, – все серьезнее, чем кажется. Мы двадцать лет пытаемся договориться с Opus Dei, и тут в вашем доме, в вашем доме, граф, погибает любимец прелата. Накануне подписания буллы!

– Но зачем вам с ними договариваться, Никколо?! Они же фанатики!

– Как и мы.

Граф тонко улыбается, иезуит делает вид, что не замечает этого.

– Как бы то ни было, я в комиссии.

– То есть, вы здесь официально? Я не смогу вас убить, как бедного Паоло, и вынести ночью за порог? Кстати, куда именно его вынесли за порог?

– Его нашли на окраине Рима с отрубленными или оторванными кистями рук.

Граф хмурится.

– Какой в этом смысл? И, кстати! С чего вы взяли тогда, что его убили в моем доме?!

Абу Ахмет Аль Сафер с наслаждением терзает ножом и вилок огромный шмат жареного мяса на белой тарелке, отправляя в рот кусочек за кусочком и запивая водой из синей бутылки. Столик, за которым он сидит, погружен в тень арки, на освещенной солнцем мостовой мелькают ноги, одна пара ног, в черных сапожках, останавливается, сапожки поворачиваются в сторону Аль Сафера, и за столик садится графиня Хелена де Орсини.

Абу Ахмет жестом подзывает хозяина уличного кафе, вопросительным знаком замершего в желтом пламени двери, и показывает рукой, что нужно еще тарелку, еще мяса, еще воды. Хозяин, безошибочно разгадавший, что именно от него требуется, скрывается за дверью.

– Бисмилляхи рахмани рахим, – говорит Абу Ахмет, – Во имя аллаха милостивого, милосердного. Приветствую вас.

Хелена сидит с каменным лицом.

Хозяин, возникший за ее спиной, ловко расставляет посуду, раскладывает приборы, наливает воду из синей бутылки в сияющий чистотой бокал.

– Марко, – мягко говорит иезуит, – я ни в чем не обвиняю вас. Я ни в чем не обвиняю вашу жену. Кто я такой, чтобы винить кого-либо? Мы все лишь люди. Всего лишь люди. Комиссии важно понять, что эта смерть не имеет отношения к переговорам генерала с... другим человеком. А виновные в ней...

– Вы же сказали, что никого не вините?

– Граф. Вы же понимаете, что-то надо сказать прелату, что-то надо сказать карабинерам, что-то надо сказать прессе. Он был на удивление известен. Я читал о том, что у вашей жены были с ним общие интересы. Гастрономические, надо полагать.

– Я сожалею, Никколо, но я никак не могу одобрить ваш разговор с ней. Она слишком неопытна для этого. Не искушена. Я не могу так рисковать.

– Ох, вы не знаете этих русских женщин.

– И все же я знаю женщин лучше вас.

– Вы правы. А кстати, где она сейчас, в городе?

– Совершает покупки, я полагаю. Вас же не нужно предупреждать, что последует, если к ней кто-то приблизится?

– Не нужно, граф, – Никколо с видимым сожалением встает из удобного кресла, – что ж, будем как-то сами выкручиваться...

– Кстати, – говорит Абу Ахмет, с сожалением глядя на пустую тарелку и вытирая лоснящиеся губы уголком салфетки, – отличная работа с этим... поваром. Ты нам очень помогла.

Елена скупно улыбается.

– Что?

– Видишь ли, дорогой Абу Ахмет. Я этого не делала.

– Что-о?!

– И я очень зла, – белки ее глаз на несколько мгновений заливают кровь. Или это игра теней. Но хозяин, наблюдающий из приоткрытой двери, бледнеет и скрывается с глаз.

Абу Ахмет озадаченно откидывается на спинку стула.

– И чего же нам теперь ожидать? – спрашивает он будто бы сам себя.

Вилла Боргезе. Римский зоопарк. Человек в зеленом плаще с надвинутым на голову капюшоном заходит на мостик над водоемом. Желто-зеленая вода едва колеблется вниз. Человек достает из-за пазухи объемистый бумажный сверток. Мимо него проезжает мальчик на велосипеде. Человек вздрагивает. Сверток падает в воду.

Вода вскипает, одновременно с жутким гулом хлопают пасти нескольких крокодилов.

По воде плывут бурые пятна.

Уже стемнело. Граф задумчиво стоит у стеллажа с книгами.

– Милый, – он не оборачивается, – я вернулась. Мы сегодня куда-нибудь идем?

– Нет, не думаю.

– Хорошо. Я лягу пораньше.

Он кивает. Когда Елена подходит к двери, он спрашивает:

– Этот Паоло, которого недавно нашли. Ты с ним встречалась... здесь?

Она останавливается.

– Да.

– И как он тебе показался?

– Милый, но немного скучный. Он какой-то... сектант. Представляешь мое разочарование.

Граф сжимает кулак.

– Представляю.

– Оставлю тебя, дорогой. Хочу лечь пораньше.

– Да, – она выходит, – ты уже говорила.

Он разжимает кулак. На ладони раздавленная сережка.

Глава 5. Свежее мясо

Ночь, кухня ресторана. Паоло, в белом фартуке и поварской шапочке, с тесаком в руке задумчиво стоит над огромным куском дымящегося мяса. Склоняет голову набок. Отходит. Снова примеривается.

На полу кухни, в углу, небольшой помост из потемневших досок. Вверху на стене висит странной формы цепь и плётка с семиконечным хвостом.

Паоло разгорячен недавним сексом.

Он замахивается.

И останавливается – слышит, как в зале ресторана разговаривают люди.

Озадаченный, он выходит в темный зал.

Двое за столиком не обращают на него внимания. Такое впечатление, будто они не знают, что света нет.

– Вы мне не можете ничего советовать, – на повышенных тонах говорит один, чей голос кажется Паоло знакомым, – уж тем более запрещать. Я отчитываюсь не перед вами.

– Я просто хочу понять, что это даст, – насмешливо говорит другой, – а вы дуетесь и пыжитесь. Вопрос очень простой – зачем нам два халифата, если еще вчера не было ни одного?

– Так вот именно поэтому!..

– Синьоры, – говорит Паоло и чувствует, что заговорил зря, – ресторан закрыт, прошу вас уйти.

Свет с кухни обрисовывает его фигуру предельно четко.

– Это вы, – с непонятной Паоло эмоцией говорит первый собеседник, – и почему я надеялся, что вы нас не заметите?

Второй брезгливо и недоверчиво усмехается.

– Прошу вас уйти, синьоры, – повторяет Паоло. За витриной проезжают дорогие машины, они едут медленно, как будто подкарауливая кого-то.

– Разве вы не должны нас любить? – тяжёлым басом спрашивает второй гость, поднимаясь из-за стола, – вы же хороший католик, Паоло, вы не прогоните путников с порога своего дома?

– Я вас не знаю, – говорит Паоло, держа тесак перед собой, – пожалуйста, уходите.

– Но меня-то вы знаете, – говорит первый, выходя на свет.

Маленький сухонький человек в очках прощается с кем-то в коридоре, протягивая руку для поцелуя, затем заходит в келью, крестится на образ Богородицы, запирает дверь на ключ. Садится в кресло и задирает полу сутаны.

С большой осторожностью, морщась, он расстёгивает крючки и снимает вериги со своего правого бедра. На шипах остаются кровоточащие лоскуты. Бедро имеет странный багрово-синий цвет.

Дрожащими пальцами человек подносит вериги к губам, целует их и бессильно роняет на стол.

Со старых морщинистых губ срывается вздох облегчения.

Он сидит неподвижно, с закрытыми глазами.

– Ах, это вы, – Паоло теряется, опускает руку с тесаком, улыбается, вытирает рукавом проступившую испарину, – да, конечно, синьор ам...

Непостижимо быстро незнакомый гость оказывается у него за спиной.
И с диким урчанием впивается в его шею.

Человек в очках открывает глаза, берет со стола какую-то бумагу и читает.
По ходу чтения его лицо становится все мягче. Он улыбается. В глазах за простыми стеклами очков светится нежность.

Паоло страшно кричит, его колени подгибаются, вдвоем они вваливаются в ярко освещенную кухню. Он вслепую машет тесаком, пытаясь ударить вампира. В руку с тесаком впивается клыками второй. И отрывает ее движением головы. Тесак с оглушительным звоном падает на залитый кровью кафель. Глаза Паоло стекленеют. Лицо становится блаженным. Он падает на колени, затем заваливается на спину. Из оставшейся без кисти руки толчками бьет темная кровь. Шелковые складки алой артериальной крови, пульсируя, спадают из рваной раны на шее.

– Именно так, – говорит человек в очках, держа в руке письмо, – именно так, мой любимый сын, из каждых ста душ нам нужны все сто.

Он кладет письмо на стол, снимает очки и, держа их в отнесенной от лица руке, надолго застывает в раздумьях.

На столе стоит коробка, обтянутая крокодиловой кожей. На коробке почтовый ярлычок, в графе «Отправитель» написано твердым почерком с уклоном влево: «От Паоло Виллардо, супернумерария». В графе «Адрес» – «Виа дей Кондотти».

Логан, стоя над телом бедного Паоло, добродушно смеется:

– Какой сладкий козленочек! И какой прыткий! Ну же, Питер, я знаю, на что ты смотришь, меня можно не стесняться!

Окровавленный рыжий посол Ее Величества Питер Флеминг как будто ошетинился каждым волосом, он дрожит от азарта и ярости, глаза налиты кровью, огромные желтые клыки выпирают изо рта. На четвереньках он подползает к телу Паоло, обнюхивает его, фырчит, берет двумя руками его левую руку, облизывает пальцы, сосет их, и, зверея, клацает челюстями. Скрип и хруст ломающихся костей, лохмотья плоти, вторая кисть оказывается на полу.

– Ты полон загадок, Питер, – говорит Логан. – Зачем тебе его руки?

Выпуклые глаза Питера поблескивают безумием.

– Хочу отправить посылку одному своему знакомому, – говорит он. – Своего рода жест.

Глава 6. Мальтийский крест

Мальта, Великая Гавань. Очередной транспорт причаливает к уже знакомой пристани.

Сегодня атмосфера изменилась, по первому взгляду на пристань заметно, что процедура приема беженцев проходит более организованно и четко. В целях безопасности периметр обнесен проволочным ограждением. Сразу после регистрации у одного из пяти столиков зарегистрированный направляется по коридору к одному из пяти автобусов.

Мальчишка в обмотках толкает ногой спящего интеллигента в старомодном пиджаке, тот изумленно открывает глаза, достает из кармана очки, протирает их. Мальчик взглядом указывает на двух мужчин напротив, внимательно изучающих портфель у ног интеллигента. Один что-то говорит другому на арабском, тот презрительно сплевывает за борт. Оба горланно смеются.

– Какие же они беженцы, – с отвращением говорит мужчина слева от интеллигента, обрюзгший лысый толстяк: – Это убийцы!

– Ничего, – утешает девушка, сидящая рядом с ним, – сейчас нас разделят. Я знаю, брат звонил мне из Италии. Он уже в Италии. Он сказал, здесь быстро разбираются, как хороших отделить от плохих.

Она робко улыбается интеллигенту.

– Овец от козлищ? – хмыкает толстяк.

Интеллигент берет портфель в руки. Двое напротив не спускают с него глаз.

Крохотная молитвенная комната в одном из офисов Opus Dei.

– Дети мои, – говорит викарий Франсиско, – близок тот час, когда организованные нами временные пункты должны будут принять тех, кого вы отобрали для апостольства в грядущие смутные дни. Сегодня я хочу напомнить вам, что суть нашего служения – это поддержание атмосферы истинной любви. А значит, если вы сомневаетесь в ком-то, если вы считаете, что некто, на кого ранее пал ваш выбор, недостойн этого выбора, проявите мужество и отсекайте его. Любовь к ближнему заключается не только в прощении, но и в понимании, кто удален от взора Божьего. Мы сможем сохранить святость нашего служения только в том случае, если каждый из нас будет уверен в каждом другом. Итак, через два дня, в день Святого Иосифа, нумерарии подадут мне окончательные, заверенные списки членов братства. И я полагаю, вы все знаете, что каждый из членов братства должен будет иметь с собой по прибытии во временный пункт, и нет нужды напоминать вам об этом. На этом все, возлюбленные мои. Обнимаю каждого из вас и молюсь о нашем общем деле.

Интеллигент с портфелем затравленно озирается. Двое со шлюпки, без очереди пробившиеся к соседнему столику, продолжают что-то обсуждать, глядя прямо на него.

– Синьор! – подзывает одного из них женщина-администратор неопределенного возраста. Тот вразвалочку подходит, опирается руками на стол, и с презрением смотрит на женщину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.